

Берченко Татьяна Витальевна

канд. пед. наук, заведующая кафедрой

Северо-Западный институт (филиал) АНО ВО «Московский

гуманитарно-экономический университет»

г. Мурманск, Мурманская область

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ ПОМОРОВ РУССКОГО СЕВЕРА

Аннотация: в статье поднимается проблема утраты нравственных ценностей современной молодежью и раскрывается идея возможности их формирования с опорой на традиции народной педагогики, в частности на то лучшее, что было и сохранилось в традициях поморов русского Севера. Поморы – это этнографическая группа русского старожильческого населения, часть этноса, имеющая этнографические, языковые особенности, особую территорию формирования. В статье изложены выводы ученых, исследовавших народ Севера, а также приведены наблюдения автора над жизнью и воспитанием детей в Архангельской области, на Терском и Кандалакшском берегах Белого моря. Понимая значимость приобщения студентов к традиционной культуре своего края, Северо-Западный институт (филиал) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического университета (г. Мурманск) проводит целенаправленную работу по изучению этого высоко нравственного пласта культуры.

Ключевые слова: поморы, народная педагогика, духовно-нравственные ценности, семейный уклад, принципы народности, принципы природосообразности, принципы жизнесообразности.

В третьем десятилетии XXI века пространство виртуального мира и информационного общества обострило проблему влияния различных источников информации на формирование личности. Россия находится в состоянии нравственного кризиса: материальные ценности преобладают над духовными, у молодых людей тяга к поиску телесных удовольствий и наслаждений сильнее, чем стремление к духовному развитию, ярко выражена направленность на индивидуализм

и эгоизм, пропало четкое представление о целях человеческой жизни, слабо развито чувство ответственности. В данной ситуации возникла потребность обращения к феномену традиционной народной культуры. Трансформация социальных устоев общества обусловила повышение интереса к вопросам этнокультурного образования.

Одним из путей решения проблемы построения и усвоения нравственных ценностей может быть обращение к идеям народной педагогики. Феномен «народная педагогика» трактуется как «совокупность знаний и навыков воспитания, передающихся в этнокультурных традициях, народном поэтическом и художественном творчестве, устойчивых формах общения и взаимодействия детей друг с другом и со взрослыми. Заключая в себе многовековую бытовую культуру воспитания, народная педагогика сохраняет общие черты, имеющиеся в воспитательных традициях разных народов» [12, с. 20].

Народная педагогика, связана с принципом народности, о значении которого писал К.Д. Ушинский: «Всякая живая историческая народность есть самое прекрасное создание Божие на Земле, и воспитанию остается только черпать из этого богатого и чистого источника» [13, с. 254].

Изучение самобытной традиционной культуры русского Севера – культуры поморов – раскрыло богатый потенциал народной педагогики этого народа, природосообразной, жизнесообразной, демократической и гуманистической.

Поморы – это этнографическая группа русского старожильческого населения, коренная северная народность, проживающая по берегам Белого моря. В Мурманской области поморы – это прежде всего, население Терского и Кандакшского берегов Белого моря.

Основные определения понятия субэтнос были даны Ю.В. Бромлеем и Л.Н. Гумилёвым [4; 5]. Возьмем за основу предложенное О.В. Бромлеем определение поморов как субэтноса русского народа [4]. Особенность субэтноса – осознание его членами принадлежности не только к своей, но и к более крупной этниче-

ской общности. Базовое свойство субэтнуса – двойное самосознание, двойная идентичность. Субэтнос – это часть этноса, имеющая этнографические, языковые особенности, особую территорию формирования [4, с. 83–87; 270; 9, с. 108].

Комплексное историко-этнографическое изучение поморов было предпринято Т.А. Бернштам и нашло отражение в ряде статей и книг. Автор пишет: «Как часть русского народа поморы представляли собой его авангард на Крайнем Севере [3, с. 233], Т.А. Бернштам считает, что название «помор», «поморец» на Русском Севере, впервые появляется в письменных источниках на страницах летописи под 1526 г.: «Поморцы с моря Окияна, из Кандолжской губы». В официальных документах термин «помор» употребляется в XVI в. и как самоназвание, и как название [2, с.69–74].

Возможна гипотеза, что русским названием Поморье вначале обозначалась незаселенная территория Мурманского берега, куда с начала XVI в. русские и карельские промышленники ежегодно приходили для производства океанских промыслов. Но в устной традиции слово «помор», безусловно, существовало задолго до этого времени, и потому появление его на Крайнем Севере, по мнению Т.А. Бернштам, под воздействием аналогичного по смыслу саамско-финского названия мурман (урман), «было по существу первым проявлением восточнославянского (русского) этнического самосознания на крайнем Северо-Западе Европы» [1, с. 237].

С XII века началось проникновение русскоязычного населения в более северные районы, к концу XV века это становится миграцией в целях постоянного заселения нового для русских людей территорий, охватывающих огромный регион вплоть до побережья Белого моря. Заселение беломорского побережья и формирование его населения являлось частью этнической истории Русского Севера в целом и происходило в основном в хронологических рамках формирования всего массива севернорусского населения в течение XII–XVII вв.

В процессе освоения обширных регионов Севера пришлым русским населением сложилась новая симбиотическая поморская культура на основе взаимодействия разных культурных компонентов, сложившихся и пришедших в разное

время на осваиваемую территорию. Поморская культура боролась за сохранение своей этнокультурной самоидентификации – сохранение базовых духовных ценностей. Это и явилось одной из причин архаизации поморской культуры. Отсутствие на северных территориях татаро-монгольского ига и крепостного права, а также суровые условия жизни привели к формированию своеобразного характера местного населения: его отличало чувство собственного достоинства, независимость, свободомыслие, что также способствовало закреплению в культуре региона древних русских традиций.

Предприимчивый, беспокойный, бунтарский дух русских переселенцев заложил основу определенного психического склада, которая в результате естественного отбора привела к закреплению необходимых свойств и черт личности. Они в той или иной степени были свойственны мужскому и женскому населению Поморья, но, естественно, в максимальном выражении выступали у мужчин: чувство собственного достоинства, свобода действий, независимость, живой ум, сдержанность и понятие своей «особости» [1, с. 225]. Жители Поморья всегда славились своим сильным характером, собственной промысловой системой хозяйства, самобытной культурой, умением беречь свои исконные традиции.

Русский Север представлял оазис, где народная культура сохранялась в относительно незамутненном, первозданном виде. Более того, здесь не просто сохранились традиционные формы жизни (бытовой уклад, обряды, ремесла), здесь сохранился дух архаики. Этот высокий нравственный потенциал поморской культуры необходимо передать молодому поколению.

Об особом характере поморов писал в 1897 году А. Энгельгардт в своем исследовании «Русский Север»: «Потомки вольнолюбивых новгородцев, поморы до сих пор еще сохранили дух предприимчивости, необузданности и см'лости своих предков» [17, с. 41].

Важным компонентом менталитета стал поморский компонент, создававшийся на базе специфического образа жизни рыбаков в чрезвычайно суровых условиях природы Заполярья. Упорное трудолюбие, вольнолюбие, любознательность, самостоятельность и опора на свои силы, культ товарищества, спокойная

отвага – эти качества были впоследствии восприняты пришлым населением, в новых условиях приобщавшимся к рыбацкому образу жизни. Бурное освоение Крайнего Севера, проходившее в 30–70-е гг. XX в., вызвало появление и закрепление таких особенностей поведенческих реакций жителей Кольского Севера, как щедрость, открытость, дружелюбие и терпимость [14].

Духовно-нравственные ценности поморов повлияли на поморский идеал воспитания и развития ребенка, который имеет свои исторические особенности. Этническое самосознание поморов определяла персонифицированная ответственность, это связано с тем, поморские поселенцы осваивали Север будучи свободными людьми, они не были «под крепью» – крепостничеством, почитали личную независимость и предприимчивость. Их волеизъявление было свободно и индивидуально, они жили в добровольно сложившейся общине. Поэтому личная воля помора становилась волей всей поморской общины.

Поморов отличал коллективизм («братской суд», когда споры разрешались силами самой общины), чувство собственного достоинства, существовало печалование – право высших или особо уважаемых духовных лиц ходатайствовать перед государем за осуждённых или опальных [11], почиталось призрение сирот. О честности этого населения мы можем судить по своим наблюдениям над жизнью деревень Терского берега и Архангельского Пинежья: там до недавнего времени (пока не распространился поток организованных и неорганизованных туристов) не запирали на замок дома: хозяину достаточно было приставить к дверям палку, которая означала, что посторонним вход воспрещен, даже пословица была: «Замок повешать для блезиру».

Поморы издавна уважительно относились к знаниям, грамотности. Крайний Север, несмотря на свою удаленность от центра страны, был краем образованных людей. (Стоит вспомнить, что в 1764 в Комиссию о коммерции при Сенате был направлен из Архангельска «План всеобщего обучения посредством открытия малых школ для обучения всякого чина людей обоего пола», что на 22 года опередило российскую образовательную реформу [7]). Население имело более вы-

сокий уровень грамотности, чем в целом по России. Большой процент грамотности и любителей чтения был и на Кольском Севере: монастырские библиотеки по тем временам были богатыми: Кандалакшский монастырь – 158 книг (XVIII в.), Печенгский – 59 книг (XVII в.). Чтение (пение) вслух на посиделках было частью семейного уклада.

Духовно-нравственные ценности поморов повлияли на поморский идеал воспитания и развития ребенка, этот идеал имеет свои исторические особенности. Именно уклад – центральное педагогическое понятие традиционной культуры: «воспитывают не только и не столько слова, которые произносятся, но сопряженная со словом система деятельностей и отношений, ритмы жизни, нравственные нормы, обычаи и ритуалы – все то, что называется «духом общности», и что выступает системообразующим элементом традиционной культуры» [10, с. 71].

Образ жизни поморской семьи был тем образовательным и воспитательным пространством, в котором из поколения в поколение формировались, передавались, сохранялись и развивались традиции и обычаи.

Почитание женщины было сформировано тем, в семье был тип двойного лидерства: наличие двух глав семьи (организаторов различных сфер внутрисемейной жизни), женщина участвовала в паях, занимала мужские должности (иногда помор уходил на промысел на полтора года). Исключительную роль матери в семье отразили народные пословицы: «Доброю женой и муж честен», «Муж запьет – полдома загорит, жена запьет – весь дом сгорит», «Хозяйкой все стоит». Так, женщину безукоризненного поведения, уважаемую называли «славнухой», а гулящую, вольного поведения – «свистуля» от слова «посвистывать» – погуливать, вести непорядочную, зазорную жизнь. В поморской среде даже не употреблялось русское слово «баба», которое считалось унижительным. Женщин поморы называли и называют «жонками».

Эта микросреда способствовала как стихийному, так и целенаправленному формированию личности помора. Дети были предметом общего поклонения. Поморская половица гласит: «Дети, что цветы – уход любят».

Особая сила влияния этих традиций и норм состояла в том, что они были жизнесообразны: ребенок с самого раннего детства осваивал их незаметно для самого себя, естественно и просто, намного раньше, чем начинал понимать их содержание и смысл. Этот реальный педагогический процесс охватывал всю жизнь поморов – от рождения до глубокой старости – и проходил через ряд этапов, соответствующих возрастным ступеням развития человека [16, с. 13].

Народная мудрость поморов проявлялась в том, что приобщение ребенка к трудовой жизни строилось на принципе природосообразности.

«Мальчок» нередко уходил на промысел в раннем возрасте – нанимался зуйком – мальчиком, находящимся на промысле на Мурманском берегу [8, с. 84]. Зук – птица из породы куликов, чаек. Это название носило насмешливый оттенок, так как мальчики пая не получали, а подобно птице-зуйку довольствовались подачкой от улова – по одной рыбе с каждых двух тюков снасти [15]. Девичье трудовое название – нянька – говорило о широко развитых в Поморье семейных обязанностях старших сестер 4–5 лет (семьи традиционно были большими). Когда дети начинали «заподрастать» – начать становиться взрослым, взростеть [8, с. 53], мальчики становились судовыми зуйками, а девочки с 8–12 лет привлекались для наемного труда в домашних, полевых и иных работах.

Д.А. Панов, приводя архивные материалы по истории рыбопромысловых объединений мурманских рыбных промыслов в период колонизации Мурмана в 1860–1930-х гг., пишет, что зуйки могли разделяться на две категории: зуйки береговые и судовые (юнги), данная градация была связана с возрастом. Мальчиков-сирот в береговые зуйки брали с семи лет, мальчиков из полных семей – с девяти. Юнгами (судовыми зуйками) мальчики работали уже с 10–12 лет [9, с. 194].

Уважительному отношению к труду, людям труда, продуктам труда воспитывалось у детей и через устное народное творчество, через пословицы и поговорки: *И радость, и горе помору – все от моря; Одними руками жизнь не построишь, смекалка нужна; Хлебну кроху уронить да не поднять – в жизни удачи*

не ждать, Хлеб сижса не резывали (мы наблюдали, как женщины режут каравай, прижав его к груди).

Необходимость раннего труда не отрицала необходимости в игровой деятельности, и сейчас важное место в комплексе народных традиций занимает народная игрушка, которая несет особенную функцию в развитии ребенка: поморские козули и куклы-панки, которые имели и охранное значение, защищали дом от злых духов, представляют собой художественную и историческую ценность.

Понимание психологии ребенка и особой роли игры в развитии личности мы наблюдали в Архангельской области. Девочкам родители строили маленький домик во дворе или отводили угол на повети (поветь – нежилая пристройка к деревенскому дому [6, с. 151]), где девочки играли «взаболь» – серьезно [8, с. 27], обустривая свое кукольное хозяйство, принимая гостей, получая первые навыки хозяйки, устроительницы домашнего быта.

Отмечая развитую в Поморье преемственность поколений, назовем такую особенность: говоря о ком-то в 3 лице, называть людей не по имени или фамилии, а по имени деда или прадеда: – *Это чьи? – Прохоровы*. Поэтому в Поморье нет Иванов, родства не помнящих.

Понимая значимость приобщения студентов к традиционной культуре своего края, Северо-Западный институт (филиал) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического университета (г. Мурманск) проводит целенаправленную работу по изучению этого высоко нравственного пласта культуры. Глубоко и подробно культура поморов изучается при подготовке к студенческим конференциям и круглым столам, которые проходят при участии сотрудников отдела краеведения Мурманской государственной областной научной библиотеки. При подготовке сообщений студенты пользуются электронной библиотекой Мурманской областной научной библиотеки «Кольский Север»: Коллекции изданий: Поморы. <http://kolanord.ru/index.php/pomoruy>. Тематика рефератов разнообразна: история заселения северных территорий, мореплавание и рыболовство поморов,

поморские суда, жемчужный промысел поморов, отражение традиций поморов в сказках и былинах, «беломорские петроглифы» и другие.

Научно-исследовательские работы студентов Северо-Западного института (филиала) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического университета, посвященные деревянному зодчеству поморов: «Образ Успенской церкви села Варзуга в стихах поэтов Севера», «Благовещенская церковь в г. Коле как образ мироздания», «Гармония Успенской церкви по закону золотого сечения» – являлись победителями областного конкурса «Храмы России».

Самое действенное средство формирования исторической памяти – это посещение с экскурсией Терского берега – колыбели и хранителя поморской культуры, организованное «Центром гражданского и патриотического воспитания молодежи». Студенты не только знакомились с древним зодчеством Ковды, Кашкаранцев, Варзуги, но и беседовали с их жителями, слышали живую речь кольских поморов. Но, самое главное – под руководством руководителя Центра М.Г. Орешеты, прозаика, краеведа, поисковика, Почётного гражданина города-героя Мурманска, студенты приводили в порядок мемориалы, посвященные землякам-фронтовикам. Такие есть почти в каждой деревне, даже в уже опустевшей.

Таким образом, изучение самобытной традиционной культуры русского Севера – культуры поморов – раскрыло богатый потенциал народной культуры в целом и народной педагогики этого народа: природосообразной, жизнесообразной, демократической и гуманистической.

Список литературы

1. Бернштам Т.А. Народная культура Поморья / Т.А. Бернштам. – М.: ОГИ, 2009. – 432 с. EDN RCIMUF
2. Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства / Т.А. Бернштам. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 175 с.
3. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. / Т.А. Бернштам. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – 234 с.

4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М., 1983. – 418 с.
EDN VNLTRD
5. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Азбука, 2002. – 608 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – В 4 т. Т. 3. – М.: Русский язык, 1982. – 555 с.
7. История образования // Культурное наследие Архангельского Севера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cultnord.ru/nasledie/nauka-prosveshchenie/istoriya-obrazovaniya> (дата обращения: 13.02.2024).
8. Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов / И.С. Меркурьев. – Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1979. – 184 с.
9. Панов Д.А. «Зуйки» мурманских рыбных промыслов (1860–1930-е гг.) / А.Д. Панов // Известия ВГПУ. – 2016. – №2 (106) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zuyki-murmanskih-rybnyh-promyslov-1860-1930-e-gg> (дата обращения: 03.03.2024).
10. Пашков А.Г. Принцип народности и современное воспитание / А.Г. Пашков // Евразийский форум. – 2017. – №1 (9). – С. 69–72 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-narodnosti-i-sovremennoe-vozpitanie> (дата обращения: 24.02.2024).
11. Печалование // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – В 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
12. Российская педагогическая энциклопедия / гл. ред. В.В. Давыдов. – В 2 т. Т. 1. – М.: Большая рос. энцикл., 1993. – 608 с.
13. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Пед. соч. в шести томах. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1988. – С. 194–256.
14. Шачин С.В. Менталитет жителей Кольского севера / С.В. Шачин, А.И. Тучков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexicon.dobrohot.org/index> (дата обращения: 24.02.2024).
15. Шергин Б. Мурманские зуйки // Повести и рассказы / Б. Шергин, сост. Ю. М. Шульман. – Л.: Лениздат, 1984. – С. 41–50.

16. Щекина С.С. Воспитание в поморской семье XVIII–XIX веков: автореф. дис. ... канд. пед. наук:13.00.01 – общая педагогика / С.С. Щекина. – Петрозаводск, 1995.

17. Энгельгардт А.П. Русский Север: путевые записки / А.П. Энгельгардт. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/442560-4> (дата обращения: 24.02.2024).